

18+ Игорь Маранин

Эффект смоленского кота

Рассказы фантастического содержания

Игорь Маранин

**Эффект смоленского кота.
Рассказы фантастического
содержания**

«Издательские решения»

Маранин И.

Эффект смоленского кота. Рассказы фантастического содержания /
И. Маранин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852985-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Это
была единственная в своём роде дверь во всём городе. Она не разговаривала
на писклявом языке электронных замков и не знала нежного прикосновения
магнитных ключей. Она не возвращалась под ручку с автоматическим
доводчиком. Эта старинная дверь крепко-накрепко вцепилась тугой пружиной
в стену и понимала только грубый язык навесных замков и металлических
запоров.

ISBN 978-5-44-852985-6

© Маранин И.
© Издательские решения

Содержание

ЭФФЕКТ СМОЛЕНСКОГО КОТА	6
– 1—	6
– 2—	8
– 3—	11
– 4—	12
– 5—	16
– 6—	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Эффект смоленского кота Рассказы фантастического содержания

Игорь Маранин

© Игорь Маранин, 2017

ISBN 978-5-4485-2985-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЭФФЕКТ СМОЛЕНСКОГО КОТА

— 1 —

Человек – самое шумное существо во Вселенной. Проснувшись, он заставляет журчать воду в ванной, шипеть масло на сковороде, бренчать ложку в стакане и разговаривать незнакомых людей на большом плоском экране. Под человеком скрипят полы, шаркают ступеньки, шуршит листва и чавкают лужи. Завидев его, каркают вороны, лают собаки, мычат коровы и хрюкают свиньи. И даже засыпая, человек не оставляет окружающий мир в покое: от его храпа планета подрагивает, создавая шумы в радиоэфире и помехи в приёме телевизионного сигнала.

Коля Муравский шагал по проспекту, громко насвистывая на ходу, чем дополнительно нервировал пространство. Свист выходил у него басовитый, с хрипотцой, слегка напоминающий храп, отчего прохожие оглядывались, чтобы убедиться: не спит ли он на ходу? А оглянувшись, не могли удержаться от невольного восклицания: брюки на человеке не сходились на поясе, рубашка – на животе, а пиджак – в плечах. Николай, однако, был совершенно невозмутим. Подумаешь, провинциалы! Коренные горожане давным—давно не обращали внимания на подобные наряды. Задумавшись, Коля едва не проскочил мимо нужного парадного. Справа от входа висела тёмная табличка с надписью «Государственная туристическая компания „Прошлое“: путешествия туда и обратно». На пяточке у дверей курила группа граждан в столь же нелепых одеждах.

– Как они преодолели «эффект смоленского кота»?! – услышал он и невольно остановился, с любопытством ожидая ответа. Спрашивала женщина в вытертых брюках клёш и дырявом свитере—лапше.

– Чего преодолели?

– Первое испытание порталов Д'Араган проводил в Смоленске, – пояснила гражданка в свитере. —

Муравский невольно замедлил шаг, заинтересовавшись ответом, но никто из стоящих женщине не ответил.

– Д'Араган, изобретатель лифтов—порталов, – решила пояснить свой вопрос женщина, – подобрал в Смоленске уличного кота, привёз в лабораторию и отправил в прошлое. Со смещением в доли секунды, чтобы тот нечаянно не изменил будущее. А нас отправляют без смещения!

– Ерунда это всё! – насмешливо проговорил Муравский, двинувшись дальше. – Тут всю жизнь пытаешься на своё будущее повлиять, а толку – ноль.

Пожалуй, это была единственная в своём роде дверь во всём городе. Она не разговаривала на писклявом языке электронных замков и не знала нежного прикосновения магнитных ключей. Она не возвращалась под ручку с автоматическим доводчиком. Эта старинная дверь крепко—накрепко вцепилась тугой пружиной в стену и понимала только грубый язык навесных замков и металлических запоров. Когда Муравский потянул её на себя – она сопротивлялась изо всех сил. Но Николай оказался сильнее и шагнул внутрь, где обнаружил узкий и душный коридор и длинную очередь к единственному кабинету. Седобородые мужики в полушубках и валенках соседствовали в этом коридоре с немолодыми, но спортивными дамами в мини—юбках и босоножках, ярко накрашенные старухи, одетые в наряды пятидесятилетней давности – с невыразительными и скучными очкариками с унылыми растопырен-

ными зонтиками в руках. Время от времени над дверью в конце коридора оживал селектор и хрипло выплёвывал очередные фамилии. В начале очереди поднимались люди и исчезали за дверью.

– Почему нельзя было сделать запись по Интернету? – проворчала женщина в мини—платье, едва Муравский занял за ней очередь. – Мне пришлось приехать из Америки, и я очень устала.

– По их правилам, – объяснил Николай, – здесь двадцатый век, живая очередь и никаких Интернетов. А почему вы оттуда не отправились? Там дороже?

– Там дешевле! – вздохнула женщина. – Просто мощности машин не хватает на территорию других стран отправлять.

От неё пахло сандаловым ароматом духов «Эсте Лаудер».

– Меня волнует, угадала ли я с платьем. Правда, выглядит как новое? Приобрела в «Антикварном гараже» – так у нас на Манхэттене блошиный рынок называется. Старая мексиканка уверяла, что ему не меньше сорока лет. Боюсь, что соврала... А вы костюм где брали?

– На даче валялся. Я его с первой полочки в нашем сельпо когда—то брал.

– О—о, сельпо... – ностальгически вздохнула женщина, произнеся это простое деревенское слово на французский лад – с мягким дрожащим «е» и долгим округлым «о».

— 2 —

После оформления документов Муравского провели в подвальное помещение с грузовым лифтом. В углу зала стояли ряды откидных деревянных сидений и пара стульев перед ними. На сиденьях расположились будущие путешественники, а на стульях – двое мужчин: экскурсовод—сопроводитель Михаил Звёздочкин и инструктор по технике безопасности Соломон Ибрагимович. Звёздочкину приходилось почти кричать – скрежетал лифт, по залу сновал электрокар, грузчики загружали и выгружали ящики, какие—то люди постоянно уезжали и возвращались. Оделся экскурсовод просто: помятая «олимпийка» на голое тело и спортивные штаны. На ногах у него были кеды – универсальная обувь семидесятых. Очки в массивной роговой оправе и тощий портфель из кожзама дополняли облик небогатого интеллигента эпохи позднего застоя.

– Товарищи! – начал он. – Мы находимся в начальной точке вашего путешествия. Путешествие это необычное, это не в Турцию слетать и не на Алтай отправиться. Вы попадёте в иное время, о котором у вас остались лишь обрывочные воспоминания. Первая ошибка туриста: он уверен, что хорошо помнит прошлую эпоху. Фигушки, как говорит мой коллега Соломон Ибрагимович.

– Позвольте, Миша! – вскинулся его напарник. – Я не употребляю подобных выражений!

– Ни черта вы не помните, дорогие товарищи! – не обращая на него внимания, продолжал Звёздочкин. – Трубочка с повидлом по шесть копеек? Чешский «Луна—парк» на набережной? «До свиданья, мой ласковый Миша»? Первая сигарета за гаражом? Первый поцелуй в подъезде? Всё это было в разное время, понимаете, в разное! Люди, которые там живут – живут текущим днём. А у вас в голове мороженое из одного года, джинсы – из другого, поцелуи – из третьего, а матч с канадцами – из четвертого. Прошое – оно как пластилин, память его мнёт—мнёт, а потом события из разных лет оказываются в секунде друг от друга. На самом деле всё было не так, всё не так.

– А что в этом страшного? – подала голос женщина в свитере—лапше, которую Муравский видел у входа.

Экскурсовод бросил взгляд на разложенные перед ним на столе документы.

– Минна Биккина? – переспросил он. – Представьте, дорогой товарищ Биккина, что вы заходите в магазин в начале семидесятых и спрашиваете, есть ли в продаже видеомэгафон? Ладно, вы вспомнили про дефицит и не пошли в магазин, а упомянули его в частном разговоре. Возмущению информационного поля не будет предела. А Соломон Ибрагимович лично расстреляет вас из дробовика.

– Мишенька! – снова возмутился Соломон Ибрагимович. – Перестаньте пугать мною людей! Откуда у меня может быть дробовик?

На этот раз Звёздочкин среагировал.

– Вы же сами говорили, что были контрабандистом, – напомнил он и подмигнул товарищу. – Не припасли разве с бывшей работы?

– Дева Мария! – всплеснул руками Соломон Ибрагимович. – Не контрабандистом, Мишенька, а контрабасистом! Я не ползал со связкой мыла через границу – я играл в оркестре Гостелерадио.

Но в ответ Звёздочкин только недоверчиво хмыкнул.

– Перейдём ко второй наиболее распространенной проблеме туриста. Как бы вы хорошо ни играли свою роль, но окружающие всё равно будут чувствовать неадекватность вашего поведения. Вы не так будете реагировать на шутки, как они, не так понимать подтекст фраз, по—иному эмоционально оценивать события. Вы – люди другого века. Представьте себе современника Пушкина: для него крепостные – явление нормальное, для вас – дикость. Тут то же самое,

только смягченное меньшим промежутком времени. Поэтому постарайтесь свести общение с аборигенами к минимуму. Не удивляйте их своим вольнодумством, товарищи!

– Совсем отвыкла от такого обращения, – произнесла женщина, за которой Николай занимал очередь.

– Завыкайте обратно, товарищ Стасенко! – развернулся к ней Звёздочкин. – И запомните, кто забыл: у этого слова женского рода нет.

Он сделал паузу и обвел взглядом сидящих.

– А теперь о технической части нашего путешествия. Полагаю, вы уже знаете из ознакомительной брошюры, что при перемещении материальные предметы «молодеют». Попав, например, в 17 мая 1977 года, и вы, и ваша одежда выглядеть будете так, как выглядели в тот день. Если вы наденете платье, сшитое вчера – оно исчезнет. Именно поэтому дальность перемещения у нас не более нескольких десятков лет.

– Шапку Мономаха можно и подальше отправить! – вставил кто-то с задних рядов.

– А смысл? – отозвался экскурсовод. – Мы даже самого Мономаха удивить не сможем, так как при перемещении не возникнет второй шапки из будущего. Головной убор из нашего времени совместится сам с собой в прошлом – отсюда и эффект омоложения.

– Постойте, постойте! – воскликнула Минна. – А как быть с пространством? Вот я купила себе шляпу 75-го года. Отправляюсь в ней в 77-й: на чьей голове она соединится сама с собой? На моей или на голове тогдашней хозяйки?

– На вашей, на вашей, – успокоил её Звёздочкин.

– А почему? – не сдавалась женщина.

– Извините, товарищ Биккина, – театрально развел руками экскурсовод, – но теоретические вопросы перемещения во времени – не моего ума дело. Я экскурсии вожу: туда—сюда, туда—туда. Перед отправлением я выдам каждому из вас стандартные для того времени часы, но с хитрой начинкой. Называются они нуль—таймер. Говоря грубо, это прибор, стирающий возмущение временного континуума, вызванного вашим присутствием. Будьте очень аккуратны, не теряйте его, пожалуйста, и не снимайте даже на ночь. Без внешнего воздействия на вашу память, вы сразу же забудете, что прибыли из будущего.

– Совсем? – спросил Николай.

– Практически да, – кивнул Звёздочкин. – Останутся смутные образы и неясное томление души. Жизнь покажется уже кем-то прожитой, как выразился недавно один растяпа из Хабаровска. Мы, конечно, вас там не оставим, в наших нотных талмудах все быкары учтены, как выражается Соломон Ибрагимович.

– Бекары, Мишенька, – с укором посмотрел на него напарник.

– Но за каждый ваш быкар придется выплатить кругленький штраф. Это ясно? А то найдутся любители приключений – специально нуль—таймер снимают. Что ещё? Ах, да! Видите лифт в центре зала? Это и есть пресловутая машина времени. Я отбираю группу в определенный год, отправляюсь с ними в прошлое, а через мгновение возвращаюсь назад и забираю следующую. И следующую, и следующую. А потом мы начинаем также по очереди возвращаться. Наш лифт времени, как видите, не простаивает, поэтому процесс ухода и прихода растянется примерно на полчаса. Иными словами, в своём прошлом вы пробудете, согласно договору с компанией, десять дней, но вернётесь максимум через тридцать минут. Это понятно?

– То есть вы будете одновременно в нескольких местах сразу? – недоверчиво спросила Биккина. – По—моему это нарушает принцип самопоследовательности Джона Уилера. Движение квантовых волн, связывающих настоящее с прошлым и настоящее с будущим, из—за хаотичных множественных перемещений перестает быть логичным, и одна квантовая волна погасит другую.

Звёздочкин расстегнул олимпийку и почесал волосатую грудь.

– Лифт видишь? – спросил он.

– Да.

– Зайдешь туда, наберешь нужный год – и отправишься в прошлое. Чего проще—то? Обезьяны по мобильнику разговаривают, а ты в трех кнопках запутаться боишься. Ну, народ пошёл... Соломон Ибрагимович, твоя очередь. Сейчас, товарищи, вас познакомят с правилами техники безопасности, слушайте внимательно и запоминайте. Потом подойдете и распишитесь в журнале, что ознакомлены. Ясно?

– А надолго эта лекция? – спросил Николай.

– Время, как вы уже поняли, – ответил ему экскурсовод, – величина непостоянная и относительная.

Из—за стола поднялся Соломон Ибрагимович, обвёл притихших туристов доброжелательным взглядом и сказал:

– Дорогие мои, будьте осторожны!

После чего уселся обратно. Долгую минуту над рядами слушателей висела пауза, затем они начали недоуменно переглядываться. Звёздочкин повернулся к коллеге и вопросительно посмотрел на него.

– У меня всё, Мишенька! – добродушно произнёс Соломон Ибрагимович.

— 3 —

Мало кто, перечисляя виды общественного городского транспорта, вспомнит про лифт. Между тем, если подходить строго формально, лифт точно также перемещает нас в городском пространстве, как автобус, трамвай или такси. Да, не дальше последнего этажа, ну и что? Он даже более общественный, чем любой другой, ведь пассажиры управляют им сами. И более безопасный: еще не было в истории случая, чтобы лифты столкнулись друг с другом.

Перед отправлением их группы Соломон Ибрагимович неожиданно подошёл к Муравскому.

— Коленька, — зашептал он на ухо Николаю, нервно оглядываясь на своего коллегу, — простите великодушно, что я так запанибратски к вам. Вы ведь с тремя прекрасными дамами в май 77-го отправляетесь?

Николай кивнул.

— Кот мой там! — сообщил Соломон Ибрагимович. — Пропал без вести во время эксперимента. Если встретите, будьте так добры захватить с собой — я заплачу. Я все расходы с лихвой возьму, не извольте беспокоиться!

— Тот самый смоленский кот? — удивился Николай.

— Какой он смоленский! — замахал на него руками Соломон Ибрагимович. — Это всё блоггеры в социальных сетях выдумали. Мой личный кот! Все глаза я по нему, Коленька, выплакал.

— Но как я узнаю, что он ваш?

— Он вас сам узнает! Понимаете, Коленька, животные в отличие от людей время чувствуют по-другому, я в этом убеждён. Там для него все чужие, а вы — родной. Это как если бы вас нечаянно забросили к разумным осьминогам, а потом вы землянина повстречали. Пусть даже самого распоследнего папуаса.

— Хорошо! — пообещал Муравский и ободряюще похлопал собеседника по плечу. — Я вашего кота из-под земли достану, я настырный.

Он поспешил вслед за группой и догнал её уже в лифте.

— Муравский, Биккина, Стасенко, Соколова, — сверился со списком Звёздочкин. — Адреса, по которым вы будете проживать, у меня записаны. Как только система включится, вы окажетесь каждый в лифте своего или соседнего дома и выйдете на первом этаже. Та—а—ак, Биккина, вижу, у вас опять вопрос?!

— Это не вопрос, товарищ экскурсовод! Это ответ! Физик Фейнман когда-то за него Нобелевскую премию получил. Его теория циклического времени, когда в одной точке пространства исчезает электрон, а в другой одновременно с ним исчезает позитрон...

— Прекратите! — взорвался Звёздочкин. — Из-за ваших идиотских вопросов я нуль-таймеры забыл. Стойте здесь и никуда не выходите из лифта, иначе кто-нибудь его займет. Я мигом.

Половину бед человек совершает, когда руки—ноги думают быстрее головы. Стоит последней где-то задержаться, как они что-нибудь да сотворят: прольют горячий кофе, шагнут в попавшуюся на пути лужу или нажмут неподходящую кнопку. Волна незаслуженной обиды, вызванная окриком экскурсовода, заставила Минну покраснеть и отвернуться. Взгляд её упал на монитор лифта времени, где уже высвечивалась набранная дата — 17 мая 1977 года. Но Минна не осознавала увиденного, её мысли были заняты отповедью экскурсоводу. Рука же машинально дотронулась до клавиши «Пуск» и нажала её.

— 4 —

Дядя Серёжа жил в центре города, напротив стадиона. Когда наши забивали гол, весь дом вздрагивал от восторженного рёва болельщиков, а когда пропускали – от их тягучего разочарованного стона. Следить за ходом матча можно было, лёжа в ванной или даже сидя в туалете и просматривая, нет ли чего интересного в аккуратно нарезанных листках газеты «Труд». Центр города – совсем другая жизнь. Здесь просторные квартиры и высокие окна, чисто в подъездах и никто не ругается матом. Старушки в центре интеллигентно завязывают губы бантиками и смотрят на прохожих, словно стряхивают их лица с рукавов своих строгих платьев. Окраина грубее и проще, но искреннее. И всё же Николай любил гостить у дяди, которого все почему—то называли на заграничный манер – Серж.

– Коля!

Муравский приоткрыл один глаз и посмотрел на дверь. В квартире дяди у молодого человека была своя отдельная комната, и сейчас в дверь заглядывала тётя Марина.

– Каша на плите, – сообщила она. – Мог бы и предупредить, что приедешь, я бы продуктов купила! Ты же собирался на море отправиться.

«Какая она молодая!» – почему—то подумал Николай.

Из—за странного ощущения, что тётя должна выглядеть старше, он даже замешкался с ответом.

– Мы вернёмся поздно, сегодня в театре премьера, а потом по этому случаю банкет, и твой дядя Серж удостоит бедных актёров своим посещением. Подозреваю, что из—за банкета – директор обещал поставит настоящий французский коньяк.

Через секунду из—за тётиного плеча показалась дядина голова:

– Салют, Колька! – он тоже показался Николаю чересчур молодым. – Во сколько это ты к нам пожаловал?

– Не помню, – ответил Николай.

У него было странное ощущение провала в памяти, словно он вчера крепко выпил. Но ведь не пил! Он точно помнит, что не пил – собирался отправиться с друзьями на море, но в результате оказался в соседнем городе.

Из ванной Николай вышел весь в порезах, несмотря на то, что в бритвенном станке стояло индийское лезвие, а не отечественная «Нева». Долго ожидал, пока закипит на плите чайник, изучая телепрограмму в газете «Труд». «Отзовитесь, горнисты», «Шахматная школа», «Ленинский университет миллионов», «Полевая почта «Подвига». Слова казались знакомыми и далёкими одновременно. Пробежал глазами по заметкам рядом с телепрограммой: в ФРГ исчезают белые аисты, в Италии процветает торговля детьми, в Монголии начали готовить кумыс из сухого кобыльего молока. Странная двойственность восприятия не уходила: лёгкость и какая—то юная жажда бытия с одной стороны и смутное тревожное ожидание будущих бед с другой. Кроме того, Коля совершенно не понимал, почему не уехал вчера с друзьями на Черное море. И что делать две недели здесь в городе – тоже. Вода закипела, и он принялся стучать дверцами кухонного гарнитура, ища чай или кофе. Ни того, ни другого не было.

«Надо позвонить тёте», – подумал Муравский и полез в карман.

И тут же остановился, не понимая, что там ищет.

– Да что это со мной! – раздраженно воскликнул он.

Решительно направился к телефону в коридоре, сграбастал трубку и набрал номер гри-мёрной.

– Марину Глазунову, – попросил он. – Богатой, тётя, будешь – не узнал! Где у вас чай в пакетиках лежит?

– В каких пакетиках?

Вопрос поставил Муравского в тупик. Пока он соображал, откуда на его язык выскочили неведомые пакетики, Марина протараторила:

– Заварка в жестяной банке на верхней полке шкафчика. И всю жизнь там была, ты ещё не проснулся что ли?

– Наверное, – сообщил Николай и положил трубку.

Теперь он вспомнил яркую цветную банку, куда родственники высыпали чай. А через десять минут с невероятным аппетитом уминал за обе щеки рассыпчатую пшеничную кашу и пил горячий крепкий чай. Ничего вкуснее он не помнил с самого детства.

Машин на улице оказалось мало. Можно было переходить улицу в неположенных местах неспешным прогулочным шагом. Город ощущался просторным и спокойным, словно за ночь из него убрали всё лишнее. Стерли крикливые краски, снесли ненужные здания, а у оставшихся обрубали верхние этажи, освободив горожанам доступ к небу. Впрочем, красок городу и теперь хватало: взгляд цеплялся за отдельные детали, выхватывая их из окружающего пейзажа: красную телефонную будку, жёлтую бочку кваса, черный киоск «Горсправки». По характеру Николай был общительным, активным человеком – и необычная заторможенность, раздвоенность, проявившаяся утром, постепенно отступала. На площадке перед ДК он притормозил у лотка с мороженщицы, к которой в этот жаркий день выстроилась очередь.

– В Анапе нынче так всё дорого! – жаловалась стоявшая перед ним дама подруге.

– Спекулянты! – поддержала её подруга. – Думаешь, они где—нибудь работают? Числятся только! А сами на нетрудовые доходы живут.

– Так вы в Турцию слетайте, – не удержался от совета Муравский. – Дешевле обойдётся.

Женщины развернули к нему массивные бюсты и молча измерили взглядами с ног до головы. Мысль Николая, наконец, догнала язык, и он понял, что сморозил глупость. Отдохнуть в Турцию можно было слетать, только захватив самолёт. Но это выходило гораздо дороже поездки в Анапу.

– Да пошутил я, – неловко улыбнулся он.

Ощущение раздвоенности вернулось вновь. Но из природного упрямства он не ретировался, а терпеливо достоял очередь и купил мороженое. Через квартал Николай стал в следующую очередь, так как одной порции этой невероятной вкуснотищи ему показалось мало.

Странные оговорки не давали Николаю покоя. Но стоило задуматься о них, как мысли таяли и растекались, словно сливочное масло на горячей сковородке. Сосредоточиться никак не удавалось. Он вдруг вспомнил, как попал в квартиру дяди: вышел из лифта на первом этаже соседней девятиэтажки, затем на улицу и по ней – до стадиона и дядино дома. Кажется, светила Луна и звёзды висели совсем низко. Во дворах совсем не было машин. Ни одной. В этот момент до сознания Николая донесся чахлый кашель машины, не желавшей заводиться. Ярко—красная «копейка», первая модель «Жигулей», стояла с разинутым ртом—капотом у тротуара. Из кабины выпорхнула молодая женщина в модном спортивном костюме и косынке, повязанной на манер банданы, и беспомощно оглянулась вокруг. Муравский свернул к машине:

– Помочь? – спросил он.

– Ничего не понимаю, – с надеждой посмотрела на него женщина. – Свечи сухие, искра нормальная.

– Хм... Уверены?

– Да.

– Шланг есть? Ключи, отвёртка?

– Зачем вам шланг?

– Отхлебнём из бака бензина, потом снимем с карбюратора крышку и плеснём туда напрямую.

– А так можно? – усомнилась женщина.

– Можно, можно, – успокоил её Муравский. – Вас как зовут?

– Маргарита.

– Николай. Доверьтесь мне, я двадцать пять лет за рулём.

– С пелёнок что ли? – прыснула Маргарита, приняв его слова за шутку.

– С них самых. Заведём машину, до вокзала меня подбросите?

– Могу даже на перрон и к в вагону поезда. Уезжаете?

– Билет хочу купить. Друзья вчера на Черное море отправились, а я задержался. У вас пластиковой бутылки нет? Из—под «Пепси» или минералки.

– Пластиковой? – удивленно посмотрела на него женщина и снова улыбнулась, обнажив ровные белые зубы. – Знаете, я из Новороссийска как—то не догадалась захватить, когда там была. Стекланная баночка из—под майонеза вас устроит? Больничные ассоциации не мешают?

– Лишь бы не спичечный коробок, – отмахнулся Коля. – А почему из Новороссийска?

– Так ведь там единственный в Союзе завод, где напитки в пластиковой таре выпускают.

Муравский засунул шланг в бензобак, на мгновение присосался к нему и, направив в баночку, сплюнул на землю.

– Я не знал про завод, – признался он, тряхнув головой. – Просто сегодня я часто невпопад говорю. Сам не знаю почему. У вас такого никогда не было?

– И что же вы говорите, Коля?

– Двум женщинам в очереди посоветовал в Турцию в отпуск поехать... Почему в Турцию?

– Пароходом как Горбунков?

– Какой еще Горбунков? – спросил Николай, откручивая гайки на крышке карбюратора.

– Из «Бриллиантовой руки». «Стамбул – город контрастов», помните? Человек может думать, что совершил что—то «из ряда вон», а на самом деле это сработало его подсознание. Одна из тех женщин, наверное, напомнила вашему подсознанию этот фильм, вот ассоциация с Турцией и всплыла.

– Вы психолог? – Муравский оторвался от карбюратора и с любопытством посмотрел на хозяйку автомобиля.

– Нет, Коля, я учительница. Русский язык и литература.

– Понятно... Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. Заводите, товарищ учительница, только ногу с газа не убирайте, а то заведётся и заглохнет сразу.

Несколько раз чихнув, автомобиль рассерженно взревел.

– То как зверь она завоет, то заплачет как дитя, – перекрикивая рёв двигателя, процитировал Николай.

Маргарита вела машину осторожно, но уверенно: навстречу бежали здания, светофоры и тополя. Торопливо пронеслась остановка автобуса, не спеша прошагал универмаг, медленно прополз длинный пыльный забор стройки...

– Через двадцать лет двигатель внутреннего сгорания уйдёт в прошлое, – уверяла Маргарита. – Бензин заменит электрический ток, вместо АЗС поставят щиты с розетками. Подъехал на электромобиле, воткнул вилку в розетку, подзарядился и дальше поехал.

– Через двадцать вряд ли... – не согласился Николай. – Даже через сорок электромобили ещё экзотикой будут.

– Откуда такая уверенность? – скосила на него взгляд Маргарита.

– Оно само как—то приходит.

– Может, вы – ясновидящий?

Николай рассмеялся.

– Не верю я в эту чепуху! Но как объяснить – не знаю. Сегодня задумался о том, что позвонить нужно и машинально полез за телефоном в карман. И, знаете, уверен, что в будущем так и будет – у каждого будет свой индивидуальный телефон. Ну, вот как часы сейчас.

– Надо спросить Д`Арагана, возможно ли это.

– Кого спросить?

– Одного молодого физика, с которым я переписываюсь: он очень увлекательно рассказывает о науке. Между прочим, он считает, будущее за ЭВМ. Ещё при нашей жизни они будут управлять автомобилями, самолётами, связью, даже спутниками.

– И книжками тоже, – кивнул Муравский. – Захотите Гоголя почитать, «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка», сядете у ЭВМ, возьмёте очки, накроете пледом коленки – нам тогда уже за пятьдесят будет с вами – и будете читать с экрана.

– Да ну вас, Коля! – захохотала Маргарита. – Книжки с экрана? Никогда такого не будет. Знаете, что я Д`Арагану напишу? Попрошу его машину времени изобрести, отправиться в будущее и проверить, как там обстоит дело с электромобилями, карманными телефонами и ЭВМ—книжками. О, вот мы и приехали!

– Вот мы и приехали, – эхом отозвался Николай.

Выходить из машины ему не хотелось.

– А не карманный телефон у вас есть? – спросил он.

Женщина внимательно посмотрела на него.

– Не стоит, Коля, – сказала она.

– Если я выйду сейчас, то буду жалеть всю жизнь. Вам меня не жалко, Маргарита?

– Так ведь пятьдесят на пятьдесят, – ответила она. – Не выйдете – тоже можете жалеть всю жизнь. Знаете, что? Найдите меня, когда появятся карманные телефоны и ЭВМ—книжки, договорились?

– И как же я вас найду?

– На этот вопрос, Коля, – вздохнув, произнесла Маргарита. – У меня ответа нет. Но вы же мужчина – значит, сможете.

— 5 —

Чаще всего люди расстаются, не успев влюбиться. И это хорошо: остаётся не рваная рана на сердце, а лёгкий горьковатый привкус на языке. Он быстро исчезает после чашечки кофе со сливками и ломтика молочного шоколада. На вокзале, грязноватом и шумном, Муравский пробыл не больше четверти часа: билетов на ближайшие две недели не оказалось. Поездка на море окончательно сорвалась, и молодой человек, выйдя на улицу, зашёл в ближайший кафетерий перекусить. Кофе, правда, оказался отвратительным, зато булочки – выше всяких похвал. Он медленно выпил его, стоя за высоким круглым столиком на металлических трубах—ножках. Арочное окно от пола до потолка открывало прекрасный вид на вокзал. Николай ни о чем не думал, просто наблюдал за прохожими. На привокзальных площадях человек редко бывает один: даже если он путешествует в одиночку, то его провожают и встречают родственники, друзья или просто знакомые. Несут чемоданы, сумки и свёртки, толкаются, громко разговаривают и, опустив вещи на асфальт, начинают бурно жестикулировать. Даже самый сдержанный человек превращается на вокзале в нервного холерика, из которого эмоции выплёскиваются через край, словно из переполненного ведра.

В кафетерии продавали не только кофе с булочками, но и вино на разлив. В то время, как Муравский созерцал пейзаж за окном, неспеша поедая горячие булочки, за соседним столиком устроились два субъекта не первой молодости. Водрузив на стол тяжёлые гранёные стаканы и тарелку с двумя булочками, они продолжили обсуждение своих насущных проблем. Что у пьяного на языке – трезвому понять невозможно. Муравский и не пытался, но подсознание его было начеку. Оно только до поры до времени никак не показывало, что не прочь подслушать чужой разговор.

– Давай его валерьянкой выманим! – с трудом справляясь со своим языком, предложил высокий мужчина с трёхдневной щетиной на щеках и в помятом галстуке с ослабленным узлом.

– Ты когда—нибудь, Маранин, видел пьяного кота? – его спутник со взлохмаченными седыми волосами и бородкой клинышком посмотрел на товарища. – Вот так, лицом к лицу, как меня сейчас?

– Как тебя? – переспросил Маранин и на некоторое время задумался. – Коты, Ерёмин, до такой степени не напиваются.

– За котов! – поднял стакан седобородый.

– За котов!

– Мой Васёк напился валерьянки один раз в жизни, – сообщил Ерёмин. – Что ты, думаешь, он сделал?

– Что?

– Полез ко мне драться. А что сделает кот незнакомый?

– Тоже полезет драться? – предположил Маранин.

– За твою сообразительность! – снова поднял стакан его товарищ и залпом допил вино. – А где Аболина? Она же была с нами!

– Кто такая Аболина?

– Соседка моя, у которой чужой кот в квартиру залез. Может, она на скамейке во дворе уснула?

– Знаешь, что мы сделаем? – тоже допив залпом и жадно заедая булочкой, предложил Маранин. – Мы отдадим Аболиной твоего Васёку.

– Никому я его не отдам! – возмутился Ерёмин.

– Спокойствие, – заверил его Маранин. – Только спокойствие! Мы отдадим его временно.

– А зачем?

- Пусть Аболина напоит его валерьянкой, и Васька прогонит чужого кота.
- Игорь, ты – гений! – посмотрел на него Ерёмин и громко икнул.
- Я знаю, – скромно ответил Маранин и икнул ещё громче. – Пошли?

Именно в этот момент подсознание Коли Муравского решило, что хватит пассивно подслушивать разговор. Николай очнулся и громко окликнул уходящих:

- Эй, мужики! Что вы там про кота говорили?

Он сам не понимал, почему это показалось ему важным. Столь важным, что неведомая сила буквально потащила его за шиворот вслед за двумя незнакомыми пьяницами. Именно про такое состояние говорят «ноги сами понесли к выходу».

- А ты кто такой? – обернулся к Николаю Маранин. – Я тебя не знаю.

– Я знаю! – заверил его Ерёмин, удерживая за пуговицу пиджака. – Это хозяин кота. Спорим?

Неизвестно кем были все эти существа – люди, собаки, птицы – в глазах животного, забравшегося на люстру под высоким потолком. Он просто не признавал их, ощерившись в угрожающем оскале, вздыбив шерсть и отчаянно вцепившись когтями в мягкую ткань абажура. Люстра покачивалась под его весом, при этом вид животного был настолько сумасшедшим, что никто не пытался его снять. Всё изменилось в одно мгновение. Стоило на пороге показаться Муравскому, как обезумевший, казалось, кот совершил невероятный прыжок, оказавшись у Николая на руках. Он не царапался, не кусался, не буянил – он крепко прижался всем своим телом, ища у человека защиты. Шею животного украшало необычное ожерелье с продолговатыми металлическими пластинами. На каждой из пластин было множество точек и черточек. Николай дотронулся до браслета рукой и тут же отдернул её, схватившись за голову. Мысли, что растекались маслом по горячей сковородке, внезапно обрели ясность и резкость, но каждая как бы сама по себе. Через мгновение они соединились в общую картинку, и Николай осознал, кто он и как сюда попал, а вслед за тем потерял сознание.

— 6 —

– Страшные магнитные бури бушевали в тот вечер на Земле! Их принёс солнечный ветер из жутких и далёких корональных дыр. Рентгеновские вспышки следовали одна за другой. Свалились с головной болью все астрономы, и некому больше было наблюдать за Солнцем. Нарушилась связь. Орбитальные станции и спутники сбились с пути, а в трансформаторах и трубопроводах возникли безумные вихри индукционного тока. Замедлили свой рост годовые древесные кольца. Микроорганизмы сменили цвет. Изменилось состояние коллоидных растворов, а саранча поднялась в воздух и полетела, куда глаза глядят.

Минна остановилась перевести дух и посмотрела на детей соседки, забравшихся на тахту с круглыми от ужаса глазами.

– И вот тогда—то, – продолжила она зловещим голосом, – скрипнула дверь в домике Наф—Нафа...

Дверь громко закрипела, но не в домике сказочной свиньи, а совсем рядом. На пороге появилась тётя Соня, хозяйка квартиры, с двумя авоськами продуктов в руках.

– А—а—а—а—а! – бросились к ней дети и вцепились в маму железной хваткой.

– Ой, Минночка, спасибо, что приглядела! – затароторила с порога Соня. – В продмаге колбасу выбросили, в гастрономе – яблоки, а в универмаге – сапоги. И я как буриданова ослица мечусь промеж магазинов и каждый раз теряю очередь. Эти люди, они же не стоят спокойно на месте, ты себе это представляешь? Они тоже бегают по очередям! Я иногда просыпаюсь по ночам – в холодном поту, несмотря на горячего мужа под боком – и думаю: это же какая давка будет при коммунизме, если мы дотуда доживём? Всё же задарма, всё же бесплатно и по потребностям. Ты читаешь журнал «Новые товары»? Я пока в очереди стояла – через плечо заглянула одному товарищу. Московский пищевой комбинат начал выпускать сухие супы! Как это можно есть?!

– Всё лучше «Доширака».

– Что за «Доширак» такой?

– Китайская лапша, ой... – на лице Минны отразилось недоумение. – Сама не знаю, что говорю! Третий день у меня так: неожиданно в голове образ возникает – яркий, во всех подробностях. Но совершенно фантастический, как будто из параллельного мира. Я эту коробочку с китайской лапшой секунду назад как наяву видела вплоть до названия: жёлтые буквы на красном фоне. И даже пакетик со специями внутри. Может, это «страшные магнитные бури» на меня так влияют?

– Не знаю, про какие бури ты говоришь, но если спросишь до мнения тёти Сони, она тебе так скажет: переучилась ты, девочка. Каникулы на дворе, а ты всё с книжками сидишь. Пойди до парка погуляй, среди берёзок воздухом подыши – там такие невиданные человеком погоды стоят! Двадцать лет не было таких погод, это я тебе как свидетель и очевидец говорю. Птицы по деревьям пешком ходят – надышаться не могут! Была бы моя воля – я бы до утра сидела у подъезда на скамейке с открытым ртом и дышала. Но у меня дети и муж, они втроём желают по вечерам свесить невымытые ноги с моей шеи и кушать котлеты с подливой. Им хорошо будет при коммунизме, а пока они без тёти Сони не выживут. Они умрут с голоду, сидя обнявшись перед холодильником, полным продуктов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.